

869
Г-44

А. Бельшовскій.

ГЕТЕ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Переводъ О. А. Рожмановой

подъ ред. Петра Вейнберга.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣева.

1898.

BEL'SHOVSKII
=

"GETE"

А. Бельшовскій.

ГЕТЕ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Переводъ О. А. Рохмановой

подъ ред. Петра Вейнберга.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1898. //

47593.40.9

74 *2

7997
78

Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.

ВВЕДЕНИЕ.

Виландъ, желая однажды провести параллель между самыми выдающимися людьми своего времени, назвалъ Клопштокъ величайшимъ поэтомъ, Гедера величайшимъ ученымъ, Лафатера—лучшимъ христіаниномъ, а Гете—величайшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ людей человѣчества.

Виландъ оставилъ намъ еще другое цѣнное замѣчаніе о Гете. Онъ говоритъ: «О Гете судять вообще несправедливо, потому что только весьма немногіе въ состояніи составить себѣ понятіе о такомъ человѣкѣ». Почему-же такъ трудно составить себѣ понятіе объ этомъ самомъ человѣчннхъ человѣкѣ? Причина этого кроется, конечно, не въ одномъ только *величій* его нравственныхъ качествъ, ибо и священная исторія, и поэзія, и чествованіе героевъ доказываютъ, что обыкновенный смертный въ достаточной степени обладаетъ способностью для такихъ идеальныхъ представлений, хотя и неохотно примѣняетъ ихъ къ своимъ живымъ современникамъ. Поэтому Виландъ и всѣ тѣ, кто раздѣляли его мнѣніе, врядъ-ли имѣли въ виду одно только внутреннее величіе. Скорѣе можно предположить, что они подразумѣвали нѣчто большее, а именно: *всеобъемлющую полноту его натуры*.

Природа надѣлила Гете въ известной долѣ всѣмъ, что только свойственно человѣку вообще, и потому онъ былъ «самымъ полнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ людей». Его образъ носилъ отпечатокъ величественной типичности. Онъ былъ потенцированнымъ отраженіемъ человѣчества въ его сущности. Вотъ почему всѣмъ, кому приходилось ближе сталкиваться съ нимъ, казалось, что до сихъ поръ они еще никогда не видѣли такого *цѣльнаго* человѣка.

Можетъ быть на свѣтѣ бывали люди, которые обладали болѣе острымъ умомъ, или болѣе энергіей, или болѣе глубокой впечатлительностью, болѣе живой фантазіей, но навѣрно никогда не было человѣка, который, какъ Гете, соединялъ-бы въ себѣ одномъ всѣ эти качества и притомъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ. Съ другой стороны, рѣдко можно было встрѣтить, чтобы при такомъ высокомъ развитіи духа, физическая природа такъ громко и независимо заявляла свои права и въ то-же время была такъ неразрывно связана со всѣми духовными проявленіями. Это удивительное, полное сочетаніе двухъ разнородныхъ элементовъ человѣческой природы придаетъ его натурѣ характеръ чего-то выходящаго изъ ряда вонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаетъ ся кажущіяся противорѣчія. Благодаря, однако, этимъ противорѣчіямъ, большинству публики и было всегда, да и теперь еще такъ трудно составить себѣ твердое и вѣрное представленіе о немъ.

Съ одной стороны, это физикъ, наблюдающій преломленіе цвѣтовъ, анатомъ, изслѣдующій кости и связки, юристъ, обсуждающій конкурсный процессъ, человѣкъ, который съ необычайной проницательностью схватываетъ и анализируетъ явленія и людей, дипломатъ и свѣтскій человѣкъ, проявляющій равную опытность и знаніе свѣта; а съ другой—это поэтъ, создающій произведенія, въ которыхъ фантазія бьетъ ключомъ, мечтатель, погруженный въ свой міръ грезъ, не замѣчающій реальной дѣйствительности, видящій людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а въ какомъ-то имъ самимъ созданномъ освѣщеніи, человѣкъ, который часто не въ состояніи разобратъя разумомъ въ различныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ и стоитъ среди людской суеты, какъ наивное, а порой и беспомощное дитя. Онъ, то какъ Фаустъ со всею теплою чувства открываетъ міру свои объятія, то какъ Мифистофель отталкиваетъ его отъ себя и уничтожаетъ язвительнымъ смѣхомъ.

Какъ растеніе испытывая дѣйствіе дурной погоды и вѣтра, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ иной разъ не обращать на нихъ никакого вниманія; всей душой любя жизнь, какъ прекрасную и радостную привычку бытія и дѣятельности, онъ въ то же время отирается на поле сраженія и проѣзжаетъ верхомъ подъ градомъ пуль съ единственною цѣлью узнать, какое чувство испытываютъ люди подъ пушечными выстрѣлами; будучи самымъ вѣрнымъ, искреннимъ и самоотверженнымъ другомъ и самымъ горячимъ, преданнымъ любовникомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ въ порывѣ бурной страсти горько оскорбить и друга и возлюбленную. Человѣкъ, о которомъ Гердеръ сказалъ, что во всѣхъ случаяхъ жизни онъ поступалъ какъ *мужчина*, котораго Лафатеръ и Кне-

бель называли героемъ, при видѣ котораго даже изъ стальной души Наполеона вырвался крикъ: «voilà un homme!»—въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалъ непростительную слабость, не могъ сладить съ собственнымъ сердцемъ, отдавался теченію, вмѣсто того, чтобы твердой рукой направлять свою ладью, и при этомъ впадалъ въ ту чувствительность, которую Шиллеръ называлъ «женственностью» чувствъ. Какъ духъ, освободившійся отъ бремени всего земного, онъ мыслью виталъ въ сверхчувственныхъ сферахъ, и въ то-же время вполне принадлежалъ землѣ и радовался всякому, самому маленькому чувственному наслажденію, хотя-бы такому незначительному, какъ плоды, присланные ему Маріанной Виллемеръ изъ родного города; его сужденія о произведеніяхъ искусства отличались необычайно тонкимъ и вѣрнымъ пониманіемъ, но ту-же тонкость и вѣрность онъ проявлялъ и въ оцѣнкѣ рейнскаго и бургонскаго вина; по натурѣ своей онъ, типическій сѣверянинъ и германецъ, съ увлеченіемъ предавался *ледяному* спорту, любить среди зимы погружаться въ студеныя воды Ильма, взбираться зимой на Гарцъ и на швейцарскія «ледяныя горы», создаетъ такія специфически сѣверо-германскія произведенія, какъ «Гецъ», «Фаустъ», «Германъ и Доротея», и полныя туманныхъ призраковъ баллады, какъ «Лѣсной царь», «Пляска мертвецовъ», «Невѣрный мальчикъ» и «Первая Вальпургіева ночь» — и, несмотря на все это, подъ яснымъ небомъ и теплымъ дыханіемъ Италіи, среди художественныхъ памятниковъ древняго міра и эпохи возрожденія, ему кажется, что онъ попалъ на свою родину, изъ которой долгое время былъ изгнанъ; но сѣверные мотивы даже и тамъ настолько сильно вдохновляютъ его, что въ саду виллы Боргезе онъ пишетъ «Кухню вѣдьмъ». До мозга костей сынъ новѣйшаго времени, даже во многихъ отношеніяхъ принадлежа будущему, онъ между тѣмъ въ душѣ чувствовалъ себя до такой степени человекомъ античнаго міра, что ему казалось, будто онъ уже жилъ раньше, во времена Адріана. Всегда и во всемъ стремясь къ ясности и добиваясь только ясности, онъ тѣмъ не менѣе, охотно уносился въ сферы мистическихъ представленій, вводилъ какое-то неопредѣленное демоническое начало въ міровой порядокъ, игралъ вѣрой въ переселеніе душъ и незаметно поддавался вліянію предчувствій, предсказаній, примѣтъ, суевѣрныхъ предразсудковъ. Всегда необычайно кроткій и ласковый, онъ иногда приходилъ въ такую ярость, что скрежеталъ зубами и топалъ ногами; отъ спокойствія онъ легко переходилъ къ шумному оживленію, отъ кипучаго, неудержимаго веселья къ унылой задумчивости, отъ самонадѣянной увѣренности въ себѣ къ мучительнымъ сомнѣніямъ. Порой,

какъ «сверхъ-человѣкъ», онъ чувствовалъ въ себѣ силу, которой хватило-бы, чтобы разрушить цѣлый міръ, а иногда представлялся себѣ такимъ слабымъ и жалкимъ, что, казалось, не могъ-бы сдвинуть камушка, лежащаго на дорогѣ.

Эти противорѣчія его натуры выступаютъ, смотря по тому, какая изъ его душевныхъ силъ преобладаетъ въ данный моментъ надъ другими, или въ какую сторону направлено дѣйствіе преобладающей силы; заявляетъ ли чувственная природа свои права надъ духовной, или духъ беретъ перевѣсъ надъ чувственностью. Можно смѣло сказать, что вся первая половина жизни Гете ушла на борьбу тѣла и духа и различныхъ душевныхъ силъ между собой, пока, наконецъ, ему удалось до нѣкоторой степени привести ихъ всѣхъ въ равновѣсіе, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы избѣжать сильныхъ отклоненій какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Но такъ уже счастливо былъ созданъ этотъ человѣкъ, что во всѣхъ его стремленіяхъ безконечно преобладала та сторона, которая была направлена на положительное, хорошее, полезное, какъ для него, такъ и для міра; такимъ образомъ, даже въ періодъ борьбы онъ никогда не причинялъ ни себѣ, ни другимъ продолжительнаго вреда, а напротивъ, большею частью побѣдоносно шелъ впередъ, благотворно дѣйствуя на все окружающее. Поэтому эти временныя односторонности и уклоненія не вводили въ заблужденіе людей, хорошо знавшихъ его; ихъ мнѣніе о его нравственномъ обликѣ могло-бы выразиться приблизительно словами Кнебеля, относящимся къ 1780 г.: «я знаю, онъ не всегда располагаетъ къ себѣ; у него есть несимпатичныя стороны; я ихъ хорошо узналъ, но весь человѣкъ, взятый въ цѣломъ, все-же безконечно хорошъ»,—или словами Гердера, который въ 1787 г. охарактеризовалъ его, какъ нравственный, такъ и умственный качества слѣдующимъ образомъ: «онъ обладаетъ свѣтлымъ, всеобъемлющимъ умомъ, вѣрнымъ и искреннимъ чувствомъ, величайшей чистотой сердца».

На свѣтѣ нѣтъ такого величія, которое въ то-же время не было-бы и тяжелымъ бременемъ для человѣка, надѣленнаго имъ. Это въ сильной мѣрѣ испыталъ на себѣ и Гете. Онъ много выстрадалъ подъ бременемъ своихъ великихъ дарованій. Его необычайно тонкая впечатлительность, въ связи со свойственной ему любовью къ правдѣ, добротой и чистотой сердца, была причиной, что все ложное, нечистое, всякое страданіе, которое онъ видѣлъ въ мірѣ, дѣйствовало на него съ потрясающей силой; а съ другой стороны его пылкое воображеніе заставляло его видѣть враждебныя, и мрачныя силы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, и благодаря интенсивности

всѣхъ его ощущеній, дѣлало для него всякое непріятное положеніе прямо невыносимымъ. Онъ приходилъ въ бѣшенство, сердился на себя и на другихъ, а когда убѣждался въ своей ошибкѣ, снова начиналъ терзаться жгучимъ сознаніемъ своей несправедливости. Далѣе, какъ ни былъ онъ признателенъ богамъ, надѣлившимъ его такой быстротой и такимъ разнообразіемъ мыслей, что, благодаря этому, онъ могъ «разбить одинъ день на миллионъ частей и такимъ образомъ превратить его въ маленькую вѣчность», но и въ этомъ для него было много мучительнаго: нелегко было носить въ головѣ все это сонмище невидимыхъ духовъ, не имѣя возможности съ должнымъ вниманіемъ заняться каждымъ въ отдѣльности. Даже тихая, чистая радость глубоко волновала эту чуткую душу. Какая-нибудь счастливая и богатая поэтическая мысль могла вызвать слезы на его глаза; новое открытіе въ области естественныхъ наукъ «переворачивало въ немъ всю внутренность»; красота одной сцены въ Кальдероновѣ «Стойкомъ принцѣ» привела его въ такое волненіе, что онъ прервалъ себя вдругъ на полусловѣ и изо всей силы бросилъ книгу на столъ.

Только человекъ съ такой организаціей могъ сказать въ старости, что на его долю въ жизни выпалъ цѣлый рядъ такихъ радостей и скорбей, изъ которыхъ каждой въ отдѣльности одной было-бы достаточно, чтобы убить человека.

И ко всему этому въ немъ присоединилась еще одна особенность, въ силу которой онъ никогда не испытывалъ полного счастья: какъ только то, чего онъ желалъ, осуществлялось, имъ овладѣвала жажда чего-то иного, большаго. Это чувство знакомо всѣмъ людямъ, стоящимъ выше филистерской тупости, но при его душевномъ складѣ оно должно было проявляться съ особенной силой и мучительностью. Поэтому жизнь его прошла какъ у Фауста: онъ шелъ впередъ и находилъ въ этомъ и страданіе и счастье, но постоянно оставался неудовлетвореннымъ.

Тому, кто воочию видѣлъ великолѣпное, переливающееся безчисленными цвѣтами сіяніе, окружавшее эту личность, лучи его поэтической славы казались не болѣе, какъ узенькимъ вѣнкомъ, вырѣзаннымъ въ этомъ ореолѣ; тому казалось, что Гете-человѣкъ болѣе великъ, нежели Гете-поэтъ, и то, что онъ пережилъ, должно быть выше того, что онъ написалъ. То-же впечатлѣніе выносимъ и мы, люди позднѣйшаго времени, старающіеся посредствомъ изученія и при помощи воображенія возсоздать передъ собой личность Гете. Изъ всѣхъ его произведеній самымъ богатымъ по содержанію, самымъ плѣнительнымъ, болѣе всего достойнымъ удивленія и восхищенія представляется намъ его собственная жизнь. Но было-бы ошибоч-

но думать, что это произведеніе явилось какъ результатъ сознательнаго творчества. Если ужъ относительно его поэтическихъ твореній справедливо, что въ самыхъ существенныхъ чертахъ они вылились подъ вліяніемъ темныхъ, безсознательныхъ импульсовъ, то еще въ гораздо бѣльшей степени это справедливо относительно его жизни. Правда, онъ съ раннихъ поръ старался освободиться отъ того тумана, который окутывалъ все его порывы и стремленія, все его внутреннее бытіе, и направить свою жизнь, преобразовать ее по опредѣленному плану, но это плохо удавалось ему, и жизнь была уже прожита на половину, а онъ не рѣшилъ еще даже, въ какую сторону направить ее. Когда-же, наконецъ, этотъ вопросъ выяснился для него, то его направляющая дѣятельность сдѣлалась почти отрицательной и заключалась только въ томъ, чтобы отстранять все, что могло отклонить его отъ соотвѣтствовавшаго ему жизненнаго пути. Во всемъ-же остальномъ онъ и послѣ того попрежнему отдавался во власть своихъ инстинктовъ. То, что Фрицъ Якоби сказалъ о двадцатипятилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ, въ общемъ, широко въ смыслѣ примѣнимо къ нему во всѣхъ его возрастахъ:

«Гете человѣкъ, одержимый бѣсомъ, которому почти ни въ одномъ случаѣ жизни не дано поступать по своему произволу. Довольно провести съ нимъ одинъ часъ, чтобы найти въ высшей степени смѣшнымъ желаніе, чтобы онъ думалъ и дѣйствовалъ иначе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ думаетъ и дѣйствуетъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ немъ не могло произойти никакой перемены къ лучшему; но эта перемена можетъ совершиться въ немъ только такъ, какъ распускается цвѣтокъ, называется колосъ, растетъ въ высь и покрывается листьями дерево».

1. Родина и семья.

Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что однажды Богъ желалъ обнаружить передъ всѣми святость одного благочестиваго человѣка, и вотъ, когда послѣ долгаго странствія по святымъ мѣстамъ онъ вернулся на родину и вошелъ въ церковь, всѣ колокола во всѣхъ церквахъ того мѣстечка начали трезвонить. Такъ-же точно должны были-бы зазвонить колокола всего земного шара 28 августа 1749 года, когда ровно въ 12 часовъ, въ полдень, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ явился на свѣтъ Іоаннъ Вольфгангъ Гете, долженствовавшій въ такой огромной мѣрѣ увеличить славу нашей планеты.

Съ глубокимъ символическимъ юморомъ описываетъ поэтъ положеніе звѣздъ въ минуту его рожденія: «Солнце находилось въ знакѣ Дѣвы, Юпитеръ и Венера смотрѣли на него привѣтливо, Меркурій тоже довольно благосклонно, Сатурнъ и Марсъ относились къ нему безучастно, равнодушно, и только луна (*dämmerige Dumpfheit*) старалась противопоставить ему силу своего свѣта». Не малой борьбы стоило появленіе богатыря на этотъ свѣтъ. Роды были тяжелые, и—о, божественная пропія судьбы!—самый лучезарный свѣточъ міра явился на свѣтъ чернымъ. Причиной того, что поэтъ родился съ темнымъ лицомъ и всѣми признаками мертворожденнаго дитяти, была неловкость помогавшей при этомъ повивальной бабки. Этого было довольно, чтобы заставить дѣда младенца, Текстора, занимавшаго должность городского головы, ввести въ старомъ имперскомъ городѣ улучшенія въ практикѣ акушерства. Такимъ образомъ, первое-же несчастье новаго обитателя земли послужило ко благу его согражданъ, какъ и въ теченіе послѣдующей его жизни ему суждено было такъ часто обращать собственныя страданія въ источникъ радостей для другихъ.

Родной городъ, или, какъ выражались въ то время франкфуртцы, родина Гете представляла мало привлекательнаго. Средневѣковая неволя и стѣсненія во всей силѣ тяготѣли еще, какъ въ наружномъ видѣ, такъ и во внутреннемъ строѣ, надъ старымъ имперскимъ городомъ, насчитывавшимъ немного болѣе 30,000 душъ. Городъ представлялъ собой цѣлый лабиринтъ тѣсныхъ, излучистыхъ улицъ и былъ окруженъ снаружи рвомъ, валомъ и стѣнами; мѣстами среди этого лабиринта, какъ крѣпости внутри крѣпости, возвышались обнесенные стѣнами монастырскіе участки и дома, похожіе на замки, что придавало городу еще болѣе мрачный видъ. Населеніе все еще пребывало въ старыхъ, неподвижныхъ рамкахъ сословнаго подраздѣленія. На нижней ступени огромная масса, лишённая почти всякихъ правъ, надъ нею ремесленники, затѣмъ купцы и ученые, наверху патриціи, дворянство. Каждая ступень, въ свою очередь, имѣла различныя подраздѣленія, даже дворянство распадалось на двѣ группы: одни принадлежали къ роду Лимбургъ, другіе къ роду Фраунштейнъ. Такимъ образомъ, социально-политическій строй Франкфурта уподоблялся башнѣ съ широкимъ основаніемъ, которая кверху постепенно суживалась, и въ которой отдѣльные этажи раздѣлялись рѣшетками на безчисленныя клѣтки; сквозь эти рѣшетки можно было проскользнуть только съ величайшимъ трудомъ. Кромѣ рожденія, общественнаго положенія и ремесла, еще одинъ элементъ раздробленія вносила въ общество религія. Хотя лютеране и составляли главную массу населенія, но число реформатовъ, католиковъ и евреевъ, было также весьма значительно. Само собой разумѣется, что евреи были устранены отъ всякаго вліянія на общественныя дѣла; въ нѣмецкомъ городѣ прошлаго столѣтія не могло быть иначе. Католики и реформаты также были совершенно исключены изъ управленія городомъ, и господство лютеранъ часто бывало для нихъ весьма тягостно. Кромѣ того, въ каждомъ отдѣльномъ сословіи и вѣроисповѣданіи были еще другого рода стѣсненія, которыя люди добровольно создавали себѣ, въ силу своихъ взглядовъ, нравовъ и обычаевъ, и отъ которыхъ даже сильнымъ и смѣлымъ характерамъ, и притомъ въ высшихъ слояхъ общества, нелегко было освободиться.

Всѣ эти стѣсненія и весь этотъ гнетъ были присущи Франкфурту наравнѣ съ громаднымъ большинствомъ нѣмецкихъ городовъ, но съ другой стороны у него было много преимуществъ, выдѣлявшихъ его изъ ряда многихъ другихъ городовъ. Благодаря счастливому мѣстоположенію у самаго прохода въ среднюю и верхнюю Германію, это былъ оживленный торговый пунктъ и средоточіе всевозможныхъ сношеній между различными

дѣями страны. На Пасху и въ день св. Михаила въ немъ бывали ежедневно большія ярмарки, на которыя съѣзжались купцы изъ западныхъ и рѣдкихъ областей Германіи и изъ болѣе далекихъ странъ. Кромѣ того, то была промежуточная станція, на которой круглый годъ останавливались всякаго рода путешественники. Онъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и Голцера, и прусскаго короля. Молодыхъ англичанъ и французовъ, жывшихъ выучиться нѣмецкому языку, тоже можно уже было встрѣтить въ старинномъ имперскомъ городѣ. Далѣе, по своему географическому положенію, онъ являлся естественнымъ средоточіемъ верхнерейнскаго сейма, когда западнымъ округамъ: франкскому, швабскому, верхнерейнскому, уррѣйнскому, вестфальскому, бывало нужно сообща обсудить какое-нибудь дѣло, то для нихъ опять-таки городъ на Майнѣ представлялъ самый удобный сборный пунктъ. Императорскія комиссіи, которымъ часто пришлось разбирать разныя тяжбы между сотнями духовныхъ и свѣтскихъ вѣдѣтельныхъ князей, населявшихъ берега Рейна, тоже любили засѣдать въ Франкфуртѣ. Поэтому многіе нѣмецкіе князья, особенно ближайшіе, были тамъ постоянныхъ повѣренныхъ. Наконецъ, не послѣднюю роль играли и историческія привилегіи Франкфурта. Въ немъ происходили выборы и коронованіе нѣмецкихъ императоровъ и періодически, черезъ вѣстныя болѣе или менѣе близкіе промежутки времени, онъ представлялъ собой зрѣлище, полное блеска и шумнаго оживленія.

Для молодого Гете было особеннымъ счастьемъ родиться въ этомъ городѣ. Въ ту эпоху всеобщей зависимости только правящіе классы пользовались нѣкоторой свободой движеній и нѣкоторой широтой кругозора. Въ монархическомъ государствѣ Гете не пришлось-бы испытать этого преслѣдства, тогда какъ въ республиканскомъ Франкфуртѣ, по положенію этой семьи, онъ принадлежалъ къ правящимъ классамъ и въ силу этого имѣлъ такія права, удобства и покровительства, которыя въ монархіи выдаются только на долю принцевъ.

Его дѣдъ съ материнской стороны, Іоганнъ Вольфганг Текеторъ, происходилъ изъ стариннаго, южно-германскаго судейскаго рода и въ время, когда родился поэтъ, занималъ уже въ продолженіе двухъ тѣхъ высшую должность въ городѣ, а именно пожизненнаго, государственнаго городского и судебного старшины. Службу эту онъ несъ чрезвычайно добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла болѣе 20-ти лѣтъ только въ 1770 г., будучи уже 77-лѣтнимъ старикомъ, сложилъ ее съ собою, какъ слишкомъ тяжелую для его преклоннаго возраста. Въ молодости онъ былъ весельчакъ и большой любитель прекраснаго пола, но съ

годами сдѣлался серьезенъ и несловоохотливъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть очень привѣтливымъ и отличаться огромнымъ самообладаніемъ. Чувство благоговѣйнаго уваженія, которое питалъ внукъ къ своему спокойному, строгому дѣду, молча и неуклонно исполнявшему свой долгъ, возросло еще болѣе, когда онъ узналъ, что старику приписывали даръ предсказывать будущее. Не могло также не повліять сильно на мальчика и то обстоятельство, что старикъ Тексторъ превосходилъ своихъ согражданъ не только опытностью и умѣніемъ вести дѣла, но и независимостью своего образа мыслей. Когда въ 1736 г. городской совѣтъ отклонилъ просьбу одного большого солдата-реформата, просившаго допустить къ нему священника его вѣроисповѣданія, то онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе въ своихъ запискахъ: *«Sat quidem orthodoxe juxta opinionem vulgi, sed contra naturalem aequitatem et charitatem»*, т. е. «вполнѣ ортодоксально, по мнѣнію толпы, но противно естественной справедливости и человеколюбію».

Жена городского головы, дочь прокуратора судебной палаты Линдгеймеръ, ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. Повидимому, это была хорошая хозяйка, для которой весь кругъ жизненной дѣятельности ограничивался только заботами о мужѣ и пятерыхъ дѣтяхъ.

Если съ материнской стороны Гете происходилъ изъ ученой и чиновной семьи, то со стороны отца онъ принадлежалъ къ ремесленному сословію. Предки его матери пришли во Франкфуртъ изъ южныхъ областей нашего отечества, а предки отца, напротивъ, явились съ сѣвера, изъ мѣстъ, лежащихъ между Тюрингервальдомъ и Гарлемъ. Такимъ образомъ, организмъ поэта былъ продуктомъ самаго счастливаго смѣшенія сословій и племенъ.—Дѣдъ, Фридрихъ Георгъ Гете, былъ сыномъ кузнеца. Онъ взялся сначала за портняжье ремесло, но вскорѣ бросилъ его. Женясь во второй бракъ на Корнеліи Шельгорнъ, владѣвшей во Франкфуртѣ постояннымъ дворомъ, онъ сдѣлался содержателемъ гостиницы и на этомъ поприщѣ значительно увеличилъ пріобрѣтенное еще раньше состояніе. Внукъ никогда не зналъ его, ибо онъ скончался незадолго передъ его рожденіемъ. Но зато бабушка еще нянчила Вольфганга въ первые годы его дѣтства. Онъ описываетъ ее красивой художавой женщиной, одѣтой всегда очень опрятно, вся въ бѣломъ, съ кроткимъ и ласковымъ характеромъ.

Въ 1710 г. у этой дѣдовской четы родился третій ребенокъ, Іоганъ Каспаръ Гете, отецъ поэта. Сначала онъ поступилъ въ гимназію въ Кобургъ; подготовившись тамъ къ университету, онъ затѣмъ въ продолженіе

четырехъ лѣтъ изучалъ въ Лейпцигѣ право; потомъ исполнялъ въ Вецларѣ должность стряпчего при имперской судебной палатѣ, а въ 1738 г. приобрѣлъ степень доктора правъ хорошей работой на тему о наследственномъ правѣ. Будучи человѣкомъ любознательнымъ, онъ, однако, не считъ свое образованіе оконченнымъ на этомъ и старался дополнить его посредствомъ путешествій. Въ концѣ 1739 г. онъ отправился въ Австрію и оттуда, черезъ Грацъ и Лайбахъ, проѣхалъ въ Италію; извѣдывъ ее всю вдоль и поперекъ вплоть до Неаполя, онъ направилъ свой обратный путь черезъ Францію и вернулся въ родной городъ, употребивъ на все путешествіе около года. Италію онъ оставилъ подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, вызваннаго большими издержками и различными надувательствами и неудобствами, надъ которыми не могла возвыситься его придиричивая и мелочная натура мелкаго бюргера: поэтому, по его собственному выраженію, онъ былъ «немовѣрно радъ», когда выѣхалъ изъ предѣловъ Рима и Неаполя; однако, несмотря на это, впослѣдствіи всякій разъ, когда рѣчь заходила о южныхъ странахъ, онъ оживлялся, съ восторгомъ говорилъ о великолѣпіи этихъ странъ, и его самымъ заветнымъ желаніемъ было, чтобы и сынъ его когда-нибудь увидѣлъ ихъ.

Какъ человѣкъ обезпеченный и притомъ прекрасно образованный и знающій свѣтъ, онъ желалъ получить какое-нибудь мѣсто по управленію городомъ безъ жалованья, но при этомъ требовалъ, чтобы городской советъ принялъ его на службу, не подвергая его назначенія выборамъ. Но на это требованіе не согласились; тогда онъ, глубоко оскорбленный, поклялся никогда не принимать никакого мѣста по городской администраціи и, чтобы оградить себя отъ всякаго искушенія измѣнить своей клятвѣ, добылъ себѣ въ 1742 г. чинъ имперскаго совѣтника, что ставило его наравнѣ съ высшими сановниками города и уничтожало возможность начать службу съ низшихъ ступеней. Не довольствуясь этимъ и движимый, какъ утверждаетъ его сынъ, все тѣмъ-же внѣшнимъ побужденіемъ, онъ посватался къ дочери городского головы, чтобы въ качествѣ зятя одного изъ членовъ совѣта, согласно съ городской конституціей, не имѣть также доступа и въ советъ. Такимъ образомъ, онъ отрѣшился отъ всякой практической служебной дѣятельности, къ которой былъ призванъ по своимъ способностямъ, и которая могла-бы вполне удовлетворить его; въ бездѣйствіи и въ безплодномъ разобщеніи съ людьми въ немъ развились непріятныя стороны его характера, затмѣвавшія его достоинства. А достоинствъ у совѣтника Гете было не мало. Разностороннее образованіе соединялось въ немъ съ ненасытной жаждой знанія и глубокимъ интересомъ